

УДК 343.8:343.8(517)

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.079-084

СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ МИЛЮКОВ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права,
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: dikoepoleSF@gmail.com

**ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА О ДИССЕРТАЦИИ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК
ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 12.00.08
БАТБОЛД Г. «ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ,
ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ,
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МОНГОЛИИ».
ОМСК: ОМСКАЯ АКАДЕМИЯ МВД РОССИИ,
2018. 228 С. (С ПРИЛОЖЕНИЯМИ)**

Для цитирования

Милюков, С. Ф. Отзыв официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 Батболд Г. «Обеспечение прав осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в Российской Федерации и Монголии». Омск: Омская академия МВД России, 2018. 228 с. (с приложениями) / С. Ф. Милюков // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 1. – С. 79–84. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.079-084.

Аннотация. В статье приведен отзыв официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Обеспечение прав осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в Российской Федерации и Монголии». Сделан вывод о том, что большинство положений, выводов и рекомендаций, содержащихся в диссертации, являются обоснованными и достоверными, поскольку сформулированы на обширной и разнообразной нормативной базе с привлечением достаточного количества научных источников на русском и монгольском языках с использованием надежных методов исследования. Вполне репрезентативна эмпирическая база исследования, включающая в себя, помимо официальных источников, результаты анкетирования 300 осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Монголии, и 100 сотрудников этих учреждений. Отличаются существенной научной новизной и заслуживают

© Милюков С. Ф., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

поддержки большинство положений, вынесенных непосредственно на защиту. Основные достижения диссертанта апробированы на представительных международных и всероссийских научно-практических конференциях, проводившихся как в юридических вузах Омска, так и в Университете правоохранительной службы Монголии. Выявленные отдельные недостатки диссертационного исследования не препятствуют выводу о том, что его автор заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук.

Ключевые слова: лишение свободы, права осужденных, Российская Федерация, Монголия, сравнительный анализ.

Внешнеполитическое положение Российской Федерации непрерывно осложняется. Среди множества причин сложившейся ситуации – отсутствие у нашего государства достаточного числа надежных союзников и партнеров на международной арене. Одним из исключений является Монгольская Народная Республика (МНР).

История взаимоотношений наших народов насчитывает не менее восьми веков. Начавшаяся кровопролитным противостоянием, она постепенно эволюционировала к тесному идеологическому, политическому, военному, экономическому и культурному союзу, расцвет которого состоялся в XX веке. Советская Россия (а потом и СССР) была гарантом суверенитета Монголии. Достаточно сказать, что вплоть до окончания Второй мировой войны только Советский Союз признавал независимость монгольского государства. В ответ Монгольская Народная Республика оказала огромную (учитывая небольшую численность населения) продовольственную, вещевую, сырьевую, гужевую, финансовую и людскую помощь в борьбе с гитлеровской Германией, ее многочисленными сателлитами на Западе и милитаристской Японией на Востоке.

Давно развиваются плодотворные научно-педагогические связи российских и монгольских юристов. Однако деградация юридического образования в современной России привела к тому, что подавляющему большинству ученых, педагогов и учащихся мало что известно о монгольском уголовном и пенитенциарном законодательстве и практике его применения. Настоящий труд в известной мере восполняет этот пробел.

Большинство положений, выводов и рекомендаций, содержащихся в диссертации, являются обоснованными и достоверными, поскольку они сформулированы на обширной и разнообразной нормативной базе с привлечением достаточного количества научных источников на русском и монгольском языках с использованием надежных методов исследования. Вполне репрезентативна эмпирическая база исследования, включающая в себя, помимо официальных источников, результаты анкетирования 300 осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Монголии и 100 сотрудников этих учреждений (с. 9). Отрадно, что на эти сведения автор ссылается затем в тексте работы, используя в качестве аргументов в отстаивании своего мнения по затрагиваемым проблемам (с. 51, 53–54 и др.). То же можно сказать о полученных лично соискателем данных опроса членов Общественной наблюдательной комиссии и Общественного совета УФСИН России по Омской области (с. 131–132 и др.).

Отличаются существенной научной новизной и заслуживают поддержки большинство положений, вынесенных непосредственно на защиту. Это касается, прежде всего, положений с порядковыми номерами 1, 3, 4.2, 4.3, 4.5, 5.1 и 6.1 (с. 10–14).

Основные достижения диссертанта апробированы на представительных международных и всероссийских научно-практических конференциях, проводившихся как в

юридических вузах Омска, так и в Университете правоохранительной службы Монголии (с. 15). Они опубликованы в виде девяти научных статей на русском и монгольском языках, четыре из которых – в рецензируемых научных журналах, рекомендуемых ВАК при Минобрнауки России (с. 22–23 автореферата).

Полученные результаты уже внедрены в научный, педагогический и правоприменительный процессы в Монголии и России (с. 15). Смеем надеяться, что они попадут и в поле зрения российского и монгольского законодателей.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что диссертация и автореферат, дающий адекватное представление о ее содержании, написаны хорошим литературным языком, практически лишены грамматических, орфографических и стилистических погрешностей и аккуратно оформлены.

Говоря более конкретно о достоинствах настоящего труда, необходимо отметить следующее.

В историческом очерке эволюции правового статуса осужденных в названных выше странах автор возвращает в научный оборот полузабытые сведения о ряде нормативных актов, в том числе Положении об общих местах заключения РСФСР 1920 г., которое придавало определяющее значение корыстному характеру совершенного деяния (с. 24), а также Временной инструкции о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР 1939 г. (с. 25).

Важной заслугой соискателя является развенчание устойчивого мнения о несамостоятельности правовых систем стран социалистической ориентации (в том числе МНР) и об их чуть ли не полной зависимости от советского (прежде всего российского) законодательства (с. 30–31, 38).

Еще в большей мере суверенность монгольской правовой системы характерна для современного периода. В доказательство приводятся такие факты, как отсутствие в монгольском уголовно-исполнительном законодательстве норм об удержании из пенсий осужденных (с. 68), упрощенном порядке расторжения брака с лишенными свободы (с. 71), их праве на ежегодный оплачиваемый отпуск (с. 75), возможности председателю и членам Комиссии по правам человека посещать исправительные учреждения без предварительного на то разрешения (с. 118), запрете цензурирования переписки осужденных с адвокатом за некоторыми исключениями (с. 159) и др. При этом автор не ограничивается констатацией этих и других пробелов, необоснованно ухудшающих положение лишенных свободы, а предлагает законодателю свои нормативные рецепты (с. 11–14, 159, 182 и др.).

В то же время он прямо или косвенно адресует соответствующие рекомендации и российским правотворческим органам. В частности, это касается права на свободу творчества с разумными его ограничениями (с. 71), запрета на освобождение по болезни в случаях намеренного причинения себе вреда самим осужденным (с. 92), возможности близкому родственнику находиться у постели осужденного, находящегося в тяжелом состоянии (с. 163–164, 182) и др.

Трезво оценивая экономическое состояние и другие особенности России и Монголии, автор справедливо отмечает невозможность полного восприятия западных стандартов обращения с осужденными (с. 48–49, 51–52, 58, 177). При этом он обоснованно поддержал мнение одного из официальных оппонентов о том, что «переход на тюремную систему содержания будет означать ухудшение положения осужденного и дегуманизацию условий отбывания наказания» (с. 33). Вышеизложенным объясняется тот факт, что «переход от колониальной к тюремной системе в России остановился» (с. 35).

Значительный интерес представляют сведения о количестве неграмотных среди взрослых монгольских осужденных (с. 169, 174, 181), что в известной мере характерно и для российских граждан, прежде всего с отклоняющимся поведением.

Справедливым следует признать упрек соискателя в отношении нарушения российским законодателем принципов прогрессивной системы отбывания лишения свободы (с. 110–111, 113–114, 179), которое лишь частично устранено недавно принятым Федеральным законом от 16 октября 2017 г. № 292-ФЗ (с. 110).

Наконец, в диссертации содержатся принципиально важные для России сведения о введении в Монголии пожизненного лишения свободы для женщин (с. 104). В нашей стране отчетливо проявляется тенденция усиления общественно опасной активности девушек и женщин разных возрастов, в том числе в виде совершенных терактов, убийств при отягчающих обстоятельствах, бандитизма, наркотрафика и ряда других особо тяжких преступлений.

Настоящее исследование обладает и другими достоинствами, на которые, как можно надеяться, обратят внимание иные оппоненты и рецензенты.

Вместе с тем в диссертации имеются некоторые спорные положения и упущения. Остановимся на основных из них.

1. Соискатель (вероятно, по настоянию научного руководителя) избрал очень ровную, подчеркнута уважительную к мнению иных специалистов форму подачи материала. Он избегает острой полемики, сглаживает противоречия в подходах к статусу лишеного свободы. Однако такая дипломатичность, как и всякая крайность, наряду с положительным несет в себе негативный заряд.

Наиболее рельефно это проявляется в освещении такого концептуального положения, как отнесение прав и свобод человека к высшей, абсолютной ценности (с. 3, 44, 115, 128, 164 и др.). При этом диссертант не задается простым вопросом, о чьих именно правах идет речь. Что называется «за кадром» остаются права потерпевших – искалеченных, изнасилованных, обворованных, униженных и оскорбленных законопослушных граждан. Презюмируется, конечно, что их интересы выражает государство в лице следственных, прокурорских, судебных и пенитенциарных структур. Однако правда жизни заключается в том, что государству в ряде случаев выгоднее защищать интересы преступников, нежели их жертв.

В диссертации лишь констатируется, но никак не объясняется невиданное ранее снижение количества осужденных к лишению свободы «как в России, так и в Монголии [...] до исторического минимума» (с. 155). На наш взгляд, это никак не обусловлено криминологической картиной российской и монгольской преступности, а лишь является реверансом перед западными и внутренними либералами, которые, как наглядно свидетельствуют события 2017 г. – начала 2018 г., заинтересованы в ослаблении российского суверенитета и обострении общественных антагонизмов. Ведь необоснованное оставление преступников на свободе приводит ко все более разнузданному их поведению (это относится, кстати, не только к общеуголовному элементу, но и к так называемым белым воротничкам – казнокрадам, взяточникам, производителям некачественных товаров и услуг и т. п.).

Обрисованная проблема имеет и четко выраженный прикладной аспект. В работе достаточно много говорится об общественном контроле за исполнением и отбыванием лишения свободы (с. 127–134 и др.), но этот контроль почему-то имеет одну цель – обеспечить «охрану достоинства личности, защиту гражданина от жестокого и унижающего обращения с ним» (с. 128). Однако почему общество лишено возможности реагировать

на необоснованное ослабление карательно-воспитательного процесса, расцвет в некоторых исправительных учреждениях коррупционного сращивания заключенных и администрации, наконец, продолжения частью осужденных противоправной деятельности как внутри мест лишения свободы, так и вовне (прежде всего за счет использования мобильных средств связи)? Почему бы в связи с этим не наделить потерпевших (или их законных представителей) правом посещения колоний и тюрем, чтобы они могли воочию убедиться в должном карательном воздействии на своих обидчиков? Почему законодатель не связывает условно-досрочное и иные виды освобождения с их мнением?

Именно такие вопросы, по нашему убеждению, должны стать предметом исследований, что повысит интерес власти и общества к ним.

2. Развивая первое замечание, следует оспорить безоговорочное одобрение норм, содержащихся в ст. 100 УИК РФ и ст. 202 Закона об исполнении судебных решений Монголии, позволяющих совместное проживание осужденных женщин с их малолетними детьми (с. 86–87). Дело в том, что в младенческом возрасте, когда ребенок находится как бы в «беспамятстве», бурно и непрерывно протекает его социализация. Ясно, что общение с матерью, совершившей очень серьезное преступление (а часто и их серию), погружение в тюремную обстановку не может пройти для ребенка бесследно. Следует отметить, что монгольский законодатель гораздо более озабочен этим, устанавливая срок такого сожительства в два года, тогда как УИК РФ закрепляет трехлетний период (с. 86).

Не нашел критической оценки и лицемерный, на наш взгляд, запрет проводить опыты с участием осужденных независимо от их согласия (с. 33). Это явно диссонирует с ужасающими данными о смертности в местах лишения свободы. Так, в России в 2016 г. 749 осужденных скончались еще до начала рассмотрения их ходатайства в суде, а 119 умерли до вступления в силу постановления об их освобождении по болезни (с. 150). Не случайно 54,4 % осужденных в Омской области, подавших в 2015 г. жалобу в региональный УФСИН России, связали ее с неудовлетворительным обеспечением охраны их здоровья (с. 152), а среди опрошенных в том же году монгольских осужденных 32 % заявили, что медпомощь они не получают вовсе, а 43 % – получают ее лишь «в какой-то степени» (с. 160).

Почему бы, естественно, на добровольной основе (а степень этой добровольности должны определять надзирающие и контролирующие органы, в том числе общественные) осужденные не могли бы участвовать в апробации лекарств, аппаратуры и лечебных методик ради спасения своей жизни или хотя бы стабилизации собственного здоровья?

3. В диссертации лишь упоминается (с. 102) постановление Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2015 г. № 24-П о наделении осужденных к пожизненному лишению свободы правом на длительные свидания. На наш взгляд, оно подрывает предназначение такого наказания стать альтернативой смертной казни.

Уже сейчас в России значительное количество пожизненно осужденных отбыло 25-летний срок, и это число будет неуклонно нарастать впредь. Многие из них отнюдь не утратили своей общественной опасности. Законодатель должен взвешенно подойти к этой проблеме. Вместо этого он усиливает коллизии в правовом статусе особо опасных преступников. Так, осужденные по совокупности приговоров за половые преступления против несовершеннолетних, тяжкие и особо тяжкие преступления в сфере незаконного обращения наркотиков и преступления террористического характера в случае назначения им предельного срока в 35 лет подлежат условно-досрочному освобождению

позже, нежели осужденные пожизненно. В связи с этим следовало дать научную оценку данным и аналогичных противоречий правового положения такого рода осужденных.

4. Среди достаточно обширной библиографической базы настоящего исследования обнаруживаются досадные лакуны.

Так, вне поля зрения соискателя оказались монография Минсафина С. Н. «Правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства, отбывающих наказание в виде лишения свободы» (Самара, 2011) и учебное пособие Нарышкиной Н. И. «Обеспечение правового положения осужденных в деятельности уголовно-исполнительной системы» (Владимир, 2010). Важно, что эти работы изданы в профильных юридических институтах ФСИН России.

Та же участь постигла обширную главу «Правовое положение осужденных», авторами которой выступили известные пенитенциаристы Ю. М. Антонян, Ю. А. Кашуба, В. Н. Орлов, А. П. Скиба, С. Н. Минсафина (см.: Курс уголовно-исполнительного права : в 3 т. Т. 1. Общая часть. М. : ФКУ НИИ ФСИН России, 2017. С. 198–253).

Еще более значимым пробелом является незнание автора научно-теоретической модели нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, гл. 4 которого (ст. 34–50) называется «Правовой статус осужденных, отбывающих наказание и иные меры уголовно-правового характера» (см.: Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. В. И. Селиверстова. М. : ИД «Юриспруденция», 2017. 328 с.).

5. Погрешности имеются и в нормативной базе диссертации.

Так, важнейший законодательный источник – УИК РФ в списке литературы значится в редакции Федерального закона от 16 октября 2017 г. (с. 184). Однако воспроизведенный в тексте п. «б» ч. 5 ст. 131 этого Кодекса дается в прежней, уже не действующей редакции (с. 102). Что же касается Федерального закона от 20 декабря 2017 г. № 409-ФЗ, то он опущен вовсе, хотя принятый в тот же день Федеральный закон от 20 декабря 2017 г. № 410-ФЗ значится как учтенный (с. 186).

Еще в более устаревшей редакции обозначены УК РФ, ТК РФ, СК РФ (с. 184) и федеральные законы «О политических партиях», «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», «О порядке рассмотрения обращения граждан Российской Федерации», «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания» и др. (с. 185). Та же судьба постигла важнейший подзаконный акт – Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений (с. 186).

Выявленные несовершенства несколько снижают теоретическую и прикладную ценность рассмотренной работы. Однако они отнюдь не препятствуют выводу о том, что диссертация на тему «Обеспечение прав осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в Российской Федерации и Монголии» является законченным научно-квалифицированным исследованием актуальной и малоизученной в сравнительном плане уголовно-исполнительной проблемы, в целом соответствующей требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакциях последующих постановлений), а Батболд Галдабрах, как ее автор, заслуживает присуждения ему искомой ученой степени кандидата юридических наук.